

УДК 94(571.1)
ББК 63.3(2)5
DOI [10.17150/2308-2588.2017.18\(1\).193-218](https://doi.org/10.17150/2308-2588.2017.18(1).193-218)

А. К. Кириллов
*Новосибирский государственный университет,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск, Российская Федерация*
М. А. Гордеева
*Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск, Российская Федерация*
А. Г. Караваева
*Государственный архив Томской области,
г. Томск, Российская Федерация*

**СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ РЕСУРСЫ
ОБЩЕГО ПОЛЬЗОВАНИЯ
В ЗАПАДНОСИБИРСКОЙ ДЕРЕВНЕ:
МЕХАНИЗМ ВОЗНИКНОВЕНИЯ
СТАРОЖИЛЬЧЕСКО-ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИХ
КОНФЛИКТОВ В 1870–1890-е ГОДЫ.
АНТОНЬЕВСКИЙ СЛУЧАЙ**

Аннотация. Столкновения между новоселами и старожилами, возникавшие по ходу великого сибирского переселения второй половины XIX — начала XX в., представлены как один из случаев конфликтов вокруг ресурсов общего пользования. Показано, что конфликт на землях станицы Антоньевской, разгоревшийся в конце 1880-х гг., коренится в начале 1870-х гг., когда начался быстрый рост переселения из российских губерний на казачьи земли. В Антоньевском случае выделяются не две, а три группы интересов: казаки-старожилы, «приемные переселенцы» (официально допущенные казаками) и «новые переселенцы» (появление которых и вывело систему из равновесия).

Ключевые слова. Крестьянское переселение в Сибирь, Сибирское линейное казачье войско, приемный приговор, «разночинцы», посаженная плата.

A. K. Kirillov

*Novosibirsk State University,
Institute of History of the SB RAS,
Novosibirsk, Russian Federation*

M. A. Gordeeva

*Institute of History of the SB RAS,
Novosibirsk, Russian Federation*

A. G. Karavayeva

*State archive of the Tomsk region,
Tomsk, Russian Federation*

**AGRICULTURAL COMMON-POOL RESOURCES
IN THE WEST SIBERIA VILLAGE:
starting mechanism of conflicts between peasant
migrants and old dwellers in the 1870s–1890s.
The case of Antonievskaya**

Abstract. Collisions between newcomers and old inhabitants that happened during the Great Siberian migration (1850s – 1910s) are presented as a sort of conflicts concerning common-pool resources. It is shown that the conflict at the Antonievskaya cossack village land allot that flared up at the late 1880s years was rooted in the early 1870s when a rapid growth of peasant migration to the cossack lands began. As much as three groups of interest acted at Antonievskaya: cossack old dwellers, «adopted migrants» (that acquired official permission of the cossacks) and «new migrants». It was the emergence of latter group that upset the balance.

Keywords. Peasant migration to Siberia, Siberian Linear cossack army, newcomers versus old dwellers, admission act (*priyomnyi prigovor*), commoners (*raznochitsy*), square rent (*possazhennaya plata*).

«Управляя общим» — так в русском переводе называется книга нобелевского лауреата по экономике Элинора Остром [3]. С ее именем связано мощное течение в современной экономической науке, опирающееся на

специальную международную ассоциацию¹. В эпоху, когда экономисты видели лишь два пути решения насущных проблем — усиление государственного регулирования или приватизация — Э. Остром убедительно доказала, что возможен и третий путь, опирающийся на инициативу снизу. С сочувствием цитирует она высказывание Р. Сагдена о том, что современная экономическая теория «смотрит на мир глазами правительства», которое может и хочет изменять устройство общества так, чтобы увеличивать общественное благосостояние. Возникает лишь одно действующее лицо, и это лицо — «аморфная, фиктивная и всемогущая инстанция, именуемая государством». Члены общества рассматриваются как заготовки для государственных программ, а не как самостоятельные субъекты, стремящиеся найти действенные и справедливые решения сложнейших задач, действуя на площадках, предоставляемых судами, законодательными собраниями и местными органами власти [3, с. 396]. Критика «государствоцентричного» подхода со стороны Остром будет, пожалуй, особенно любезна исследователям дореволюционного российского капитализма, в котором такую существенную — и всевозрастающую! — роль играли учреждения на кооперативной, товарищеской, артельной основе.

Ключевое понятие теории Остром — ресурсы общего пользования². Классические примеры, изучаемые Остром и ее последователями, связаны с пастбищами, рыбными ловлями, пресной водой — в тех случаях,

¹ The International Association for the Study of the Commons [Electronic resource]. URL: <http://www.iasc-commons.org>.

² В названном выше издании, в целом весьма качественном, использовано понятие «общие ресурсы». Такой перевод скрадывает то противопоставление, которое заложено в понятии Остром. Свои «ресурсы общего пользования» (common-pool resources) она противопоставляет «ресурсам в общей собственности» (common-property resources), неэффективность которых достаточно убедительно, по ее мнению, показана классической политэкономией.

когда эти ресурсы оказываются в дефиците. Принципиальное основание Остром — невозможность универсальной модели, необходимость создавать отдельную модель для каждого случая с учетом мельчайших местных особенностей. Принципиально отказываясь от рассмотрения проблем в масштабе человечества, Остром берет только те случаи, в которых каждый участник имеет возможность влиять на происходящее, непосредственно общаясь с другими участниками. Досконально разбирая ограниченное число подобных случаев, она формулирует общие принципы управления, присущие успешным учреждениям по управлению ресурсами общего пользования. Таким учреждением может быть и сообщество независимых граждан, поголовно включающее одну или несколько деревень, и группа частных компаний, эксплуатирующих один ресурс, и крестьянская община.

Но главное в работе Остром — это не выведенные ею, в предельно общих формулах, принципы. «Главная проблема», «находящаяся в фокусе» исследования — то, «каким образом группы принципалов, находящиеся в положении взаимозависимости, могут организовать и начать осуществлять самоуправление, с тем чтобы непрерывно получать общие выгоды в условиях, когда все они испытывают искушение проявиться как “халявщики”» [3, с. 71]. Работа Остром — не панегирик, но исследование: здесь есть примеры успеха; есть и примеры неудач.

Сама Э. Остром в основном работала на материалах XX в., но не чуждалась и более давних времен. Самый свежий пример применения этого подхода к историческому материалу дает изучение шведской средневековой общины. Разбирая деятельность народных судов по делам, связанным с борьбой крестьян вокруг использования дефицитных пастбищ, Дж. Ларсон приходит к мысли о том, что успешное разрешение конфликтов могло занять годы, при этом было

не так важно придумать решение («come to a quick resolution»), как важно добиться его воплощения, «закрепить в сознании людей» [7].

Россия между Великими реформами и Великой революцией — ярчайший пример общества, которое опирается на инициативу снизу. Применение к этому материалу подхода Остром логично и необходимо. Один из дефицитных ресурсов общего пользования в пореформенной России — сельскохозяйственные земли. И есть район, особенно ценный тем, что этот ресурс становится дефицитным прямо на глазах исследователя — Западная Сибирь. «На входе» в этот период мы видим ее еще страной каторги и ссылки, на выходе — экспортером хлеба и масла на мировой рынок. Причина — массовое крестьянское переселение, прочно связанное с именем П.А. Столыпина.

Архивы сохранили подробную документацию сразу по нескольким случаям конфликтов между переселенцами и старожилами. Один из взятых нами случаев касается земель в районе станицы Антоньевской³. Бурные события развернулись здесь на исходе 1880-х гг. — задолго до столыпинского переселения. Тем не менее, эти события — неотъемлемая часть массовых переселений начала XX в. Сама по себе мысль о том, что столыпинское переселение коренится в более раннем периоде, не нова. Один из сборников документальной серии «Сибирские переселения» был полностью посвящен деятельности Комитета Сибирской железной дороги по организации переселений [4]. Как оказалось, строители Транссиба не просто создали техническую возможность быстро добраться из Европейской России в Сибирь (что само по себе открыло качественно новый этап в переселениях), но и продумали систему мер по поддержке переселенцев. Межевание переселенческих участков,

³ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Ф-3. Оп. 44. Д. 148.

система предварительного зачисления участков ходоками, создание переселенческих пунктов в пути и на местах вселения, льготный переселенческий тариф, переселенческие ссуды — все эти опоры столыпинского переселения были законодательно учреждены и действительно созданы уже в 1890-е гг.

Но и начало постройки Транссиба — не первая веха в истории большого переселения. Не случайно ведь первый закон, облегчающий переселение, был принят за три года до торжественной забивки первого костыля будущего пути в Челябинске. Переселенческий закон 13 июля 1889 г. стал уступкой правительства проблеме, которая успела за предыдущее десятилетие проявить себя, привлечь внимание и публицистов, и чиновников. И если начало 1880-х гг. — время, когда быстрый рост переселения уже приводит к открытым столкновениям, то 1870-е — это десятилетие нарастания переселенческого потока. Именно в это время истощается тот ресурс (свободные земли), нехватка которого и приведет к обострению отношений в следующее десятилетие.

Вот почему вместо понятия «столыпинское переселение», отсекающего нас от изучения всей «истории болезни», правильнее было бы использовать более широкое понятие. «Великое сибирское переселение» — такое название более полувека назад дал своей книге Дэвид Тредголд. Понятие пока не прижилось, однако именно великое сибирское переселение 2-й половины XIX — начала XX в. как фактор развития сибирского общества и составляет объект изучения в том исследовании, один из результатов которого представляет данная статья.

Переселение 1880-х гг. — жалкий ручеек по сравнению с тем, что будет в начале XX в. Тысячи переселенцев в год — это на два порядка (в сто раз!) меньше, чем будет при П. А. Столыпине. Почему же уже в это время возникают противоречия? Прежде всего, виной тому

разные представления переселенцев и старожилов о том, сколько земли нужно крестьянскому хозяйству. Ссыльный народник С. Л. Чудновский, изучавший крестьянскую общину в Бийском уезде 1884–1885 гг., передает характерный спор старожилов одного из селений с новоселами. Переселенцы оценивали сложившееся положение с землей жизнерадостно, поясняя, что 15-десятинный надел, который пока еще общество в состоянии было обеспечить своим членам, далеко превосходит то, что они имели в Европейской России. На это сибиряки возражали: «Здесь не Расея. Не хотим, чтобы у нас стало так же тесно, как у вас там» [5, с. 135].

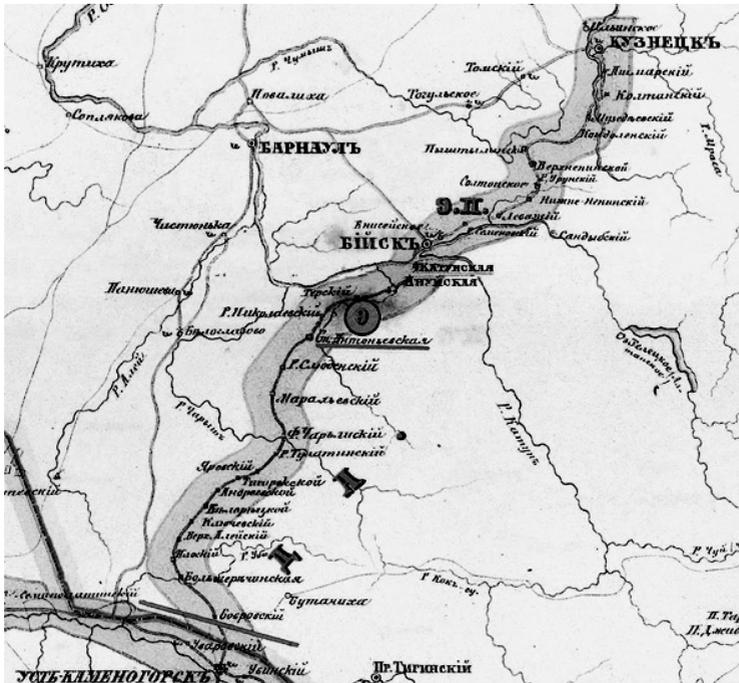
Была и другая причина. В условиях, когда не было еще ни специально отмежеванных переселенческих участков, ни домообзаводственных ссуд, начать новую жизнь в Сибири можно было только в уже обжитых местах. Обстоятельства вынуждали переселенцев селиться именно в старожильческих селениях. С. Л. Чудновский описывал начало переселенческой жизни так: «Большинство, прибыв на новое место, приобретает на последние деньги, для первого времени, захудалую избушку и принимается батрачить, чтобы упорным трудом постепенно обзавестись хозяйством и заработать на приемный приговор; на это требуется, обыкновенно, не менее 3–4 лет, так как хозяйственное обзаведение на новосельях требует немалых денег» [5, с. 139]. С. Л. Чудновский — ценный наблюдатель: ему было доступно больше, чем обычному заезжему горожанину. Как пишет И. А. Якимова, свои алтайские обследования политический ссыльный вел под прикрытием Западно-Сибирского отдела ИРГО и при покровительстве томского губернатора. «Для исследователя были открыты текущее делопроизводство и архивы волостных правлений Бийского, Барнаульского и Кузнецкого округов, по его желанию собирались сходы в селениях» [6].

Итак, из сибирских просторов, пригодных для хлебопашества, переселенцам на деле была доступ-

на лишь малая часть. Но и об этой части надо было еще узнать. Шли в основном по стопам предшественников — родственников и односельчан. Общество, в котором нестерпимой становилась земельная теснота, посылало одного или нескольких хозяев «на разведку». Удачно закрепившись, они сообщали домой; по их вызову шли десятки крестьян с семьями. Обширные местности в Томском уезде и на севере Барнаульского оставались почти нетронутыми (в ожидании землеустроителей начала XX в.), зато много переселенцев скапливалось в предгорьях Алтая, куда издавна вели маршруты «вольнонародной колонизации». Именно по этим краям в 1880-е и первой половине 1890-х гг. прокатилась волна острых столкновений между старожилами и переселенцами.

Антоньевский случай — самый крупный по территориальному охвату. Станица Антоньевская — не просто поселение, сход хозяев которого распоряжается определенными землями. Это еще и место нахождения станичного атамана, которому подведомственны окрестные поселки: казачий аналог волостного центра. Вот почему в документах дела упоминаются поселения, отстоящие одно от другого более чем на сотню верст (от Маральевского до Ануйского), основная же борьба происходит в поселках Николаевском и Терском, которые вместе со станицей Антоньевской разбросаны вдоль тракта на полсотни верст.

На вырезке из карты Сибирского линейного казачьего войска хорошо видны границы Бийской линии, управление которой как раз располагалось в ст. Антоньевской (в случае войны Бийская линия должна была выставлять 9-й из 10-ти сибирских казачьих полков). Карта составлена в 1858 г., и в этой части не столько показывает действительное положение, сколько подытоживает недавнее прошлое. Дело в том, что к середине XIX в. за счет продвижения русских владений на юг Бийская (она же — Кольвано-Кузнецкая) линия

*Карта земель Сибирского линейного казачьего войска
и отдельного Тобольского и Томского конных полков
и Тобольского пешего батальона в Западной Сибири
[фрагмент]*

Источник: Атлас землям ирегулярных войск 1858 года.
URL: <http://humus.livejournal.com/4348485.html>

утратила смысл. Ждать здесь нападений кочевников было невозможно. В 1848 г. была упразднена северная часть линии (от Бийска до Кузнецка), в 1855 г. — и южная. Казаков стали переселять в Зайсанский край, за окончательное присоединение которого еще шла борьба (успешно завершенная в 1881 г.). Перевод казаков происходил постепенно, задача выселить с Бийской линии всех не ставилась. В 1867 г. началось переселение казаков из Ануйского, Смоленского, Терского и Николаевского поселков. 19 октября 1870 г. было вы-

сочайше утверждено мнение Государственного Совета «О водворении в Зайсанском крае двух поселений из казаков Сибирского казачьего войска, расположенных на Бийской линии, одно на реке Джемини при вновь устроенном Зайсанском посту, а другое – в долине Верхней Бухтармы».

Таким образом, как раз в конце 1860-х и начале 1870-х гг. земли поселков, относившихся к ведению станицы Антоньевской, сильно обезлюдели. Сюда пришли переселенцы, с точки зрения заполнения возникшей пустоты они были желанными людьми – и они хотели стать полноправными членами общества. Чтобы стать членом крестьянской общины, требовалось особое решение схода – приемный приговор. За приговор требовалось заплатить обществу, и это позже (когда цены вырастут) нередко становилось камнем преткновения. Но в казачьей станице Антоньевской загвоздка вышла совсем другая.

Противостояние в 1870-е годы

Самые ранние документы, позволяющие изучать Антоньевское противостояние, относятся к 1889 г. Однако история эта началась гораздо раньше. Сведения о предыдущих двух десятилетиях сотрудничества и борьбы казаков с крестьянами приходится выуживать по крупницам из позднейших документов. Прежде всего, это две ведомости, составленные станичным атаманом в разгар противостояния.

Ведомость атамана Мархина, датированная 12 октября 1890 г.⁴ – наиболее полный документ для оценки масштаба происходящего противостояния. Оказывается, что переселенцы есть в целых шести поселках Антоньевской станицы, общим числом едва ли не 6 тыс. душ обоего пола. Притом 339 семейств поселились без приемных приговоров, а 392 – «по прием-

⁴ ГАТО. Ф. Ф-3. Оп. 44. Д. 148. Л. 20–21 об.

ным приговорам казаков». Со всей этой компании казаки хотят иметь ежегодно по 2099 р. в доход войска за пользование усадьбами и по 1859 р. «за пашни и покос по условию с казаками, полагая примерно по 40 к. за десятину».

Октябрьская ведомость атамана Мархинина отодвигает истоки противостояния к 1871 г., ко времени «прибытия крестьян и мещан в поселки». При этом погодно суммы поступлений расписаны только за 1888–1891 гг.⁵, но сумма платежей за последние 4 года и сумма всех платежей с 1871 г. не совпадают — таким образом, учет поступающих платежей аккуратно велся и ранее.

Итак, ясно, что массовое переселение на земли станицы Антоньевской началось в 1870-е гг. Остается неясным, когда соседство казаков и переселенцев перешло в противостояние. На этот вопрос проливает свет следующий документ — еще одна ведомость, подписанная тем же Мархининым и датированная 7 декабря 1890 г.⁶ Самая содержательная для нас часть этого документа — заглавие: «О семейном и имущественном положении пяти человек крестьян из числа 300 семей, заселившихся с начала 1870-х гг. в поселки Терский, Смоленский и Ануйский, которые отказываются от уплаты посаженных денег, ссылаясь на распоряжение бывшего в 1875 г. генерал-губернатора Западной Сибири, в ведении которого находились казаки Бийской линии до 1878 года». Из этого долгого заглавия мы узнаем, что переселенцы пользовались поддержкой главного западносибирского начальника. То был Н. Г. Казнаков — генерал, опытный в штабной работе, к моменту появления в Сибири имевший 11-летний опыт управления Киевской губернией. Уже в Сибири он был избран почетным членом Русского географи-

⁵ Для ведомости, составленной в 1890 г., дата «1891», вероятно, означает, что некоторые платили вперед.

⁶ ГАТО. Ф. Ф-3. Оп. 44. Д. 148. Л. 22–23 об.

ческого общества, работу которого поддерживал в своей высокой должности.

Прокрестьянское решение генерал-губернатора объясняет высказывание из его всеподданнейшего отчета 1875 г.: «Со времени принятия киргизами русского подданства успехи, сделанные ими в гражданственности, ничтожны. Сопредельные же с ними казаки, по малочисленности своей, не принесли ощутительной пользы, но сами научились поголовно киргизскому языку и переняли некоторые, впрочем, безвредные, привычки кочевого народа». Приведя эту цитату, С. Л. Чудновский поясняет далее: «Казнаков находил единственно правильной культурной мерой для воздействия на местных аборигенов киргиз и, главное, для оживления почти мертвой [области], богатейшей в некоторых местах по природным условиям из степных областей, — допустить колонизацию областей крестьянами» [5, с. 43].

Мысль о том, что прочное закрепление присоединенной территории возможно только вследствие ее хозяйственного (прежде всего — крестьянского) освоения, для российских генералов была не нова; не кто иной как сам Н. Н. Муравьев-Амурский ее прямо формулировал еще четвертью века ранее. Однако в данном случае решение, продиктованное государственной необходимостью, явно нарушало сложившийся баланс интересов. Казаки — особое сословие, имевшее довольно обременительные обязанности в связи с военной службой; в обмен они, что логично, ждали привилегий. Отъем у казаков права требовать денег с «разночинцев», формально устанавливая равноправие между казаками и крестьянами, на деле ставил крестьян в привилегированное положение: землей пользоваться они могут, а службу казачью нести не обязаны.

Итак, декабрьская ведомость атамана Мархина позволяет думать, что Казнаков вынес свой вердикт в 1875 г. Правда, формулировка не однозначна: прямо

сказано лишь о том, что в 1875 г. Н. Г. Казнаков был генерал-губернатором (и это верно, как раз в 1875 он получил назначение в Омск) — но не сказано про дату его постановления. Новые сведения на эту тему дает общественный приговор полутора сотен переселенцев пос. Терского от 6 августа 1891 г. Заявляя о непосильности наложенного на них взыскания арендной платы за 15 лет, они давали точную ссылку на номер распоряжения Н. Г. Казнакова от 18 апреля 1877 г. о запрете «стеснять переселенцев» «как в продовольствии, так и в уплате посаженной платы за усадьбы»⁷.

При этом они приводили уточнение, которое выдает личное, не по бумагам, знакомство пишущих с «делами давно минувших дней»: о специальной присылке тогда же, в 1877 г., «чиновника казачьих войск» с целью «сделать перепись всем переселенцам, причем казачьему обществу приказать более переселенцев не принимать, затем и обещано нам приемным причисление с уплатою 6 руб. оклада, а не снабженных приемными приговорами Алтайское горное управление ходатайствует на переселение на пустолежащие земли к речке Грязнухе, но всего этого по сие время не воспоследовало»⁸. Итак: люди, очевидно, хорошо знакомые с делом называют датой постановления Казнакова 1877 г. Было ли это то самое решение, которое упоминалось ранее, или уже повторное?

Обратимся к еще одному документу, описывающему исток противостояния. Это прошение одного из переселенческих доверенных А. З. Платонова, составленное в августе 1891 г.⁹ Выясняется, что поначалу казаки проявили к переселенцам «много радушия и ласки»¹⁰.

⁷ ГАТО. Ф. Ф-3. Оп. 44. Д. 148. Л. 32.

⁸ Там же. Л. 32–32 об.

⁹ Там же. Л. 28–31.

¹⁰ Этой «ласке», кстати, нимало не противоречат 15 р. единовременной платы и 30 к. ежегодного подесятинного взноса, на которые указывает сам автор документа.

«При таких условиях жизни в поселке Терском отцы наши и мыслями забыли свою родину, порвали с ней и частные, и официальные связи и, не тревожимые ни местной администрацией, ни администрацией наших мест причисления, пребывали спокойно, не зная ни системы паспортов, ни платежа податей и не входя в состав какой бы то ни было административной единицы...»¹¹. Однако уже в 1875 г. казаки «сознали свое значение для нашего материального блага и поспешили воспользоваться им в широких размерах» и «обложили нас непосильной податью в 24 рубля ежегодно с усадьбы». Именно это постановление и было отменено Казнаковым в 1877 г.

В чем-то внося ясность, прошение Платонова в то же время существенно искажает положение дел. Впечатляет высота требуемых платежей: только за пользование усадьбой каждый год пришлось бы отдавать деньги, сопоставимые с ценой коровы. Такую цену можно было бы считать и запретительной; это был бы весомый признак несправедливости казачьих требований.

Однако Платонов упустил важное слово: 24 р. — плата не за усадьбу, а за десятину земли, занятой усадьбами. Само происхождение этой некруглой суммы связано с русской системой мер: десятина — это 2 400 квадратных саженьей; за квадратную сажень усадьбы казаки требовали с «разночинцев» по 1 к. То, что плата рассчитывалась именно как посаженная, подтверждают и жалобы самих переселенцев, которые возмущались тем, что атаман Мархинин «даже за какие-то квадратные [сажени] и за землепользование просит с нас деньги за 1-ю¹² по 1-й коп. с квадратной сажени и за 2[-ю] по 40 коп. с десятины», притом казаки «не только обмеривают землю под нашими домами,

¹¹ ГАТО. Ф. Ф-3. Оп. 44. Д.148. Л. 29–29 об.

¹² В документе — «2-ю»: явная описка.

но даже все пригоны, капустники и защиты, которых совсем бы не следовало обмерять»¹³.

Именно исходя из суммы 1 к. за 1 кв. сажень исчислена плата в уже упоминавшейся октябрьской ведомости атамана Мархинина. Составляя этот документ, атаман боролся за право взыскивать указанную в нем сумму, и значит, подозревать его в занижении размера крестьянских платежей невозможно. Согласно этому документу, на 731 семью «разночинцев», проживающую в 6 поселках Антоньевской станицы, приходилось 4 647 дес. пашни и покосов, а также 209 881 кв. сажень (= 87,5 дес.) земли под усадьбами, за которые казакам причиталось, соответственно, 1 859 и 2 099 р. Таким образом, цена вопроса для переселенческого семейства составляла в среднем около 5,5 р. Учитывая, что тот же Платонов в своем прошении плату в 30 к. с десятины (что дает почти половину этой суммы) расценивает как льготные условия, можно уверенно сказать, что назначенная казаками плата запретительной не была.

Теперь можно более или менее определенно сформулировать события 1870-х гг. В начале 1870-х гг. казаки легко принимали пришлых крестьян на свои бескрайние просторы. Юридически значимыми договорами они признавали право крестьян возделывать станичную землю и пасти на ней собственный скот; плата за это была с точки зрения крестьян не существенной. В середине 1870-х гг. казаки добавили к поземельной плате еще и посаженную.

Не очень обременительная для каждого из переселенцев плата эта, с учетом их численности, должна была стать существенным подспорьем казачьего бюджета. Насущность этой подпитки усиливалась тем, что как раз в эти десятилетия власть деятельно искала новую форму устройства казачества. На протяжении 1861–1880 гг. состоялось целых три реформы. Одним

¹³ ГАТО. Ф. Ф-3. Оп. 44. Д. 148. Л. 47–47 об.

из результатов уже в 1861 г. стало сокращение казенных пособий казакам; с другой стороны, станичные общества получили возможность иметь собственную казну. Одним из источников ее пополнения, согласно закону 1868 г., стала посаженная плата со стороны «разночинцев», приобретающих дома на войсковых землях. Не все казаки сразу смогли воспользоваться всеми выгодами новых правил. Как пишет С. М. Андреев, «самые незначительные средства, не превышавшие 100 р., имели станичные общества Бухтарминской и Бийской линий». Эта проблема была прямо связана с военной стороной дела (снаряжение «недостаточных» казаков для выхода на службу), поэтому в 1891 г. будет установлен контроль войсковой администрации за хозяйственными решениями станичных сходов. Борьба за повышение экономической эффективности казаков приведет к тому, что за 1890-е гг. доходы казачьих обществ Сибирского войска вырастут в 6 раз [1, с. 29–31].

Для понимания финансовой сути событий в станице Антоньевской крайне важна октябрьская ведомость атамана Мархинина. Атаман точно указывает, сколько следует с переселенцев за используемые угодья и сколько — за усадьбы. Но по части действительно произведенных платежей указана только посаженная плата («получено в станичный доход за усадебные места»). В пояснениях же к таблице атаман дополняет, что «за пашни и покосы, по существовавшему ранее порядку, деньги должны поступать в поселковые доходы — на содержание училищ и учителей, но таковые получают только в Слюденке и Антоньевске, затем в остальных поселках денег не платится вследствие большего преобладания крестьян над казаками»¹⁴. Итак, появление в 1875 г. посаженной платы — это не увеличение казачьих appetites,

¹⁴ ГАТО. Ф. Ф-3. Оп. 44. Д. 148. Л. 20 об.-21 об.

это добавление еще одного «с ложкой». До сих пор казаки, договариваясь с переселенцами, заботились о своих собственных (общественных = поселковых) доходах. В приговорах они оговорили и право станичного бюджета, но на практике взимали только то, что было нужно им самим. В 1875 г. наконец и станичное начальство разглядело этот законный и значительный источник дохода.

Похоже, что именно обида на изменение условий, применявшихся на практике в первые годы, сыграла решающую роль в появлении противостояния. Только этим можно объяснить контраст в платежах «разночинцев» поселка Слюденского: по части подесятинной платы этот поселок назван атаманом в числе всего двух, где переселенцы добросовестно выполняют обязательства. И Слюденский же — единственный поселок из шести, где в посаженную плату не сдано ни одной копейки. По-видимому, личные отношения переселенцев с казаками и отношения со станичным начальством не всегда оказывались одинаковыми. В пользу такого объяснения работает и тот факт, что после 1875 г. казаки не перестали выдавать крестьянам приговоры о разрешении им жить в поселках и заниматься земледелием: в деле сохранились приговоры за 1880 и 1881 гг.

С другой стороны, способ, каким Н. Г. Казнаков пытался предотвратить разрастание конфликта (выселение неприемных в другое место и запрет новых приемов), заставляет думать, что колонизационные возможности Антоньевской станицы были исчерпаны. К истокам конфликта имеет отношение не только желание казачьего начальства увеличить станичный доход, но и недовольство обилием «разночинцев».

Так или иначе, казаки ущемили интересы переселенцев. Но западносибирское руководство, ставя на первый план задачу русификации «киргизской» степи, главным к тому орудием видело уже не казаков,

а крестьян. Поэтому Н. Г. Казнаков признал право переселенцев жить там, где живут (в ущерб казакам). Решение генерал-губернатора не было односторонним. Он учитывал и юридические обстоятельства (не имеющие приемных приговоров переселенцы все-таки оказались обречены на тяжкий для них новый переезд, хотя и с указанием свободных земель). Пытался и предотвратить усугубление обстановки (запрет казакам принимать новых переселенцев – впрочем, не соблюдавшийся).

«Приемные приговоры»

Говоря об истоке противостояния, надо уделить внимание тем приговорам, которыми оформлялся прием казаков. Казалось бы: если крестьянин имеет приемный приговор, то он становится полноправным членом общества, налагать на него особую плату невозможно. Именно на это и рассчитывали крестьяне. Но они не учли особый казачий статус.

Из всех, судя по данным дела – сотен, приговоров до нас дошли пять, все – из Терского поселка. Их копии были приложены к одному из прошений переселенческого доверенного А. З. Платонова, поданных в 1891 г. Судить о представительности выборки, сделанной Платоновым, невозможно, но сопоставление приговоров за разные годы позволяет сделать любопытные наблюдения.

Самый ранний из приговоров датирован 19 сентября 1873. Крестьянин деревни Балабаевки Юрьевской волости Козловского уезда, Назар Евсеев Балабаев, «объявил нам, что он по случаю стеснения и неудобства в означенной местности прежнего его жительства отпущен на приискание мест на новое водворение, который пожелав поселиться в наш поселок Терский с отчетом и окладом в Смоленскую волость Бийского округа просит нас с его семейством [перечисляется состав обширного семейства с детьми и внуками] на жи-

тельство принять»¹⁵. На это казаки согласны, «но с тем, дабы означенные крестьяне за под земельные угодья оставшуюся за наделом нашим и занятую ими, как под домостроением, так равно и за пахотную [землю] платили бы установленную законом плату в войсковый или станичный доход и отнюдь самовольно не стесняли бы нас[,] за обоюдный скотский выпуск отбывали бы земскую повинность честною службою[,] по р. Ануя занимались бы [рыболовством] наравне с нами, повиновались бы местному начальству»¹⁶. Подлинный подписал атаман пос. Терского урядник Нехорошев и станичный атаман Бутин.

Приговор 1873 г. наиболее содержателен: мы видим и механизм оформления крестьян в среде казаков («отчет и оклад» — в ближайшую крестьянскую волость). И то, что крестьян пускают на пустующие земли с оговоркой, чтобы не претендовали на казачьи наделы (вероятно, прецеденты были). И то, какие возникают спорные пункты (подчинение местному начальству, пользование рекой).

Условия приема вполне соответствуют действующему законодательству. Сначала закон от 29 апреля 1868 г. устанавливал ежегодную посаженную плату за землю под усадьбами в войсковой или станичный бюджет¹⁷. Затем Положение от 13/25 мая 1870 г. добавило к числу казачьих прерогатив взимание с переселенцев платы за пользование общественными выгонами «в промышленных целях» (в противовес бесплатному использованию выгона «для собственного домашнего скота»). Положение также устанавливало, что лица невойскового сословия, проживающие в селениях ста-

¹⁵ ГАТО. Ф. Ф-3. Оп. 44. Д. 148. Л. 14–14 об.

¹⁶ Там же. Л. 14 об.

¹⁷ О дозволении русским подданным не войскового сословия селиться и приобретать собственность в землях казачьих войск // Полное собрание законов Российской империи: собрание второе: 1825–1881. СПб., 1873. Т. 43, отд. 1 : 1868. № 45785. С. 473–474 (далее — ПСЗВ).

ничных обществ и имеющие там дома или другую недвижимость, обязаны нести в этих селениях «общие земские повинности, с постоянною оседлостью сопряженные, как то: постоянную, подводную, а также по исправному содержанию дорог, мостов и переправ». Станичники не называют ни один из этих двух законов, но перечисляют их условия, что не оставляет места двусмысленности.

Приговор от 8 сентября 1875 г. дан крестьянину села Ново-Юрьева Староюрьевской волости¹⁸ Алексею Ермакову Жукову с двумя женатыми сыновьями и малыми внуками. «Жуков просит дозволения водвориться ему с прописанным семейством на постоянное жительство на правах с прочими великороссийскими крестьянами, наперед сего допущенными на жительство в пос. Терский»¹⁹. И вновь переселенцы принимают «по предварительному нашему согласию» и на основании законов. Решение: «мы дозволяем, с тем чтобы Жуков о дозволении его на жительство о перечислении себя наравне с прочими имел неупустительное ходатайство»²⁰. Подлинный подписал станичный атаман войсковой старшина Осипов.

Прежде всего, приговор Жукову показывает, что дорожка в станицу Терскую из Тамбовской губернии уже в 1875 г. была натоптана. Переселение было настолько отлажено и материально обеспечено, что крестьяне добрались даже с двумя грудными детьми (самому младшему — 1 месяц!): дети не погибли.

Фраза о неупустительном ходатайстве дает намек на то, что по мере развития переселения появились проблемы, каких не было в 1873 г. И наконец, появление в приговоре не только условий, но отсылки к

¹⁸ Старо-Юрьевская и Юрьевская — это разные названия одной и той же волости Козловского уезда Тамбовской губ. Переселенцы 1875 г. пришли по стопам своих соседей по волости.

¹⁹ ГАТО. Ф. Ф-3. Оп. 44. Д. 148. Л. 13-13 об.

²⁰ Там же. Л. 13 об.

законам, которыми они закреплены, должна, вероятно, усилить убедительность денежных претензий казаков. Это логично стыкуется с тем, что мы уже знаем: с 1875 г. взимаемые казаками платежи перестали быть легкими.

Оставшиеся три приговора (за 1880 и 1881 гг.) почти не содержат новизны. Единственное, что меняется — вместо ссылки на оба выгодных для казаков закона остается лишь ссылка на позднейший и более авторитетный — Положение 1870 года. Самое интересное в этих приговорах — то, что они все-таки принимаются, несмотря на указание Казнакова, данное в 1877 г.: прием новых прекратить. И несмотря на то, что противоречие интересов между казаками и переселенцами уже, вроде бы, обозначилось.

Важно обратить внимание на формулу приема, которая едина для всех пяти приговоров: казаки принимают крестьянина к себе в поселок на жительство. Между тем, в перечне полномочий станичного схода значится четкое: «приговоры об увольнении из общества членов его и о приеме новых»²¹. Но в члены казачьего общества крестьянин заявку не подавал — и не был принят. Позднейшая трактовка этих документов переселенцами как приемных приговоров явно неверна. Это лишь приговоры о разрешении здесь жить.

Отсутствие юридически доскональных формулировок (с датами законов) в приговоре 1873 г. позволяет думать, что это был один из ранних приговоров (к тому же здесь, в отличие от приговора 1875 г., ничего не говорится о предшественниках). Договариваясь с казаками, Назар Балабаев не вполне понял их. «Установленные законом» он воспринял как «законные» — то есть, справедливые, как у всех. Вскоре обнаружилось, что это не так, и здесь есть основа для

²¹ Положение об общественном управлении в казачьих войсках // ПСЗВ. СПб, 1874. Т. 45, отд. 1: 1870. № 48354. С. 619.

конфликта. Принимая последователей Балабаева из соседней волости два года спустя, казаки уже специально указали, на какой закон опираются. Если в 1873 г. казаки объясняли, каковы условия приема, то в 1875 — доказывали свое право ставить эти условия. В этот момент и вмешивается томский генерал-губернатор, в подчинение которого эти земли как раз перешли из Семипалатинской области. Он предписывает освободить крестьян от платы в войсковой бюджет. Приговоры, составленные после этого решения генерал-губернатора, не упоминают четких обязательств переселенцев, но аккуратно упоминают наиболее авторитетный из двух имеющих отношение к делу законов. В целом: ясно, что неприятные особенности казахских земель оказались недооценены переселенцами.

Почему казаки не давали крестьянам полноценных приемных приговоров? Уже говорилось про заинтересованность казаков в денежных поступлениях от «разночинцев». Важен и сам статус казака. Наблюдатели XIX в. оставили нам свидетельства того, что казаки на пахарей смотрели свысока. В. А. Остафьев, в последние два десятилетия XIX в. отметившийся рядом публикаций на сельскохозяйственные темы, ругал казаков за «леность» и стремление жить эксплуатацией «киргиз» вместо того, чтобы работать самому. Правда, Остафьев в целом был весьма критичен по отношению к казакам и намекал на необходимость уничтожения казахских линий. Но представление о казаке как человеке, который презирает работающих своими руками и мнит себя воином, начальником, а за плуг не берется из принципа, подтверждал цитатой из казахского заступника и радетеля Г. Е. Катанаева [2, с. 30–31].

Значимость статусных соображений усиливали непрерывные реформы 1860–1880-х гг. В 1861 г. служба казаков, взамен регулярной, стала иррегулярной; в 1871 — иррегулярной же, но не всеобщей: казаки по

жребию стали делиться на служилых и неслужилых. Последние — даже считаясь казаками — обязаны были платить дополнительные суммы в войсковую казну. Что уж говорить о «разночинцах», живущих на казачьих землях! В 1880 г. воинская повинность вновь стала всеобщей (4-летняя действительная служба в полку, затем — по существу, пребывание в запасе, «на льготе»). Таким образом, вопрос об особых обязанностях казаков именно в это время был особенно насущен, что должно было напоминать казакам об их особом положении по сравнению с крестьянами.

Судя по тому, как изложен в приговорах крестьянский запрос — поселиться в станице, приписавшись к ближайшему крестьянскому обществу, — крестьяне и сами не претендовали на то, чтобы перейти в казачье сословие. Они хотели остаться крестьянами — но неполноценность крестьянского статуса на казачьих землях стала для них, давно забывших крепостное право, неприятной неожиданностью. Плата за арендуемую чужую землю в глазах людей, прибывших из малоземельных мест, должна была выглядеть естественной. Но необходимость платить ежегодный взнос за то, за что в Европейской России после 1861 г. никому не платили, смахивает уже на ущемление личных прав.

Итак, крестьяне, борясь за свою правоту, ссылались на данные им (за деньги) приговоры. Казаки этих приговоров не отрицали, но трактовали по-своему. Непосредственный предмет борьбы — не право причисления, а плата за землю и — прежде всего — посаженная плата за землю под домами. Сопоставление приговоров с законами показывает, что казаки правы, а переселенцы просто не знают казачьих законов. Судя по приговорам, казаки отнюдь не собирались давать переселенцам равные права. Но пустили их жить, видимо, из-за освобождения места после ликвидации линии. Это быстро выяснилось, и уже в 1875 разгорелось

столкновение, которое Н. Г. Казнаков как поклонник крестьянского освоения, а не казачьего, разрешил посредством льготы для крестьян.

(Окончание следует)

Список использованной литературы

1. Андреев С. М. Сибирское казачье войско как социально-территориальная система : организация и основные этапы развития: 1808-1917 гг. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / С. М. Андреев ; [Кемеров. гос. ун-т]. — Кемерово, 2007. — 42 с.

2. Остафьев В. А. Землевладение и земледелие Сибирского казачьего войска / В. А. Остафьев // Труды Императорского Вольного экономического общества. — СПб., 1897. — Т. 2, кн. 4. — С. 29-72.

3. Остром Э. Управляя общим : эволюция институтов коллективной деятельности / Э. Остром. — М. : ИРИСЭН, Мысль, 2011. — 445 с.

4. Сибирские переселения. Вып. 2 : Комитет Сибирской железной дороги как организатор переселений [Электронный ресурс] / сост. Л. Б. Ус, Г. А. Ноздрин, А. К. Кириллов ; отв. ред. М. В. Шиловский. — Новосибирск : Сова, 2006. — 263 с. — Режим доступа : <http://sibistorik.ru/project/peres2/index.html>

5. Чудновский С. Л. Переселенческое дело на Алтае : (стат.-экон. очерк) / С. Л. Чудновский. — Иркутск : тип. газ. «Вост. обозрение», 1889. — [2], 154, III с. — (Записки Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества по Отделению статистики ; Т. 1, вып. 1 / под ред. Г. Н. Потанина).

6. Якимова И. А. С. Л. Чудновский о крестьянской общине на Алтае во второй половине XIX в. [Электронный ресурс] / И. А. Якимова // Актуальные вопросы истории Сибири : Вторые науч. чтения памяти проф. А. П. Бородавкина, 6-7 окт. 1999 г. / [отв. ред. : Ю. Ф. Кирюшин, В. А. Скубневский]. — Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2000. — С. 109-112. — Режим доступа : <http://new.hist.asu.ru/biblio/borod2/20-112.html>

7. Larsson J. Conflict-resolution mechanisms maintaining an agricultural system. Early modern local courts as an arena for solving collective-action problems within Scandinavian Civil Law [Electronic resource] / J. Larsson // International Journal

of the Commons. — 2016. — Vol. 10, no 2. — P. 1100-1118. —
Режим доступа : <https://www.thecommonsjournal.org/articles/10.18352/ijc.666/>

Информация об авторах

Кириллов Алексей Константинович — кандидат исторических наук, доцент, кафедра отечественной истории, Новосибирский государственный университет; старший научный сотрудник, сектор истории второй половины XVI — начала XX в., Институт истории СО РАН, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: alkir.nsk@gmail.com.

Гордеева Мария Александровна — референт директора, Институт истории СО РАН, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: sharshova@yandex.ru.

Караваева Анастасия Геннадьевна — директор, Государственный архив Томской области, 634009, г. Томск, ул. Водяная, 78, e-mail: anast@post.tomica.ru.

Authors

Alexey K. Kirillov — Ph.D. in History, Associate Professor, Russian History Department, Novosibirsk State University; Senior Researcher, 2nd Half of 16th — Early 20th Century History Sector, Institute of History of the SB RAS, 8, Nikolaev Str., Novosibirsk, Russian Federation, 630090, e-mail: alkir.nsk@gmail.com.

Mariya A. Gordeeva — Director's Secretary, Institute of History of the SB RAS, 8, Nikolaev Str., Novosibirsk, Russian Federation, 630090, e-mail: sharshova@yandex.ru.

Anastasiya G. Karavayeva — Director, State Archive of Tomsk Region, 78, Vodjanaja, Tomsk, Russian Federation, 634009, e-mail: anast@post.tomica.ru.

Библиографическое описание статьи

Кириллов А. К. Сельскохозяйственные ресурсы общего пользования в западносибирской деревне : механизм возникновения старожильческо-переселенческих конфликтов в 1870–1890-е годы. Антоньевский случай / А. К. Кириллов, М. А. Гордеева, А. Г. Караваева // Историко-экономиче-

ские исследования. — 2017. — Т. 18, № 1. — С. 193–218. — DOI: 10.17150/2308-2588.2017.18(1).193-218.

Reference to article

Kirillov A. K., Gordeeva M. A., Karavayeva A. G. Agricultural common-pool resources in the West Siberia village: starting mechanism of conflicts between peasant migrants and old dwellers in the 1870s–1890s. The case of Antonievskaya. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History & History of Economics*, 2017, vol. 18, no. 1, pp. 193–218. DOI: 10.17150/2308-2588.2017.18(1).193-218. (In Russian).